

УДК 821.161.2 "1920/1930"

С. В. Ленская

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Киев, Украина

**УКРАИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1920—1930-Х ГОДОВ
В АСПЕКТЕ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА**

Синергетика как синтетическое научное направление XXI века оказала влияние на развитие ряда точных и естественных наук. В мировой науке успешно осуществлены намерения по применению философской универсальности и свободы научного мышления в сфере гуманитаристики (в психологии, социологии, политологии). Предпринята попытка выявить продуктивный потенциал синергетической методологии на материале украинской литературы постреволюционной поры.

Введение. Поликонцептуальность и разновекторность стратегий литературоведческих исследований конца XX — начала XXI века значительно усилили результативность научного поиска. Интеграционные процессы в условиях глобализации мира не обошли стороной и сферу гуманитарных наук. Кроме ставших уже традиционными рецептивно-герменевтических, нарратологических, интертекстуальных концепций всё более эффективным представляется междисциплинарный подход.

Глобализационные процессы, происходящие в постиндустриальную эпоху, детерминируют рассмотрение какого бы то ни было вопроса комплексно и системно. Культурно-цивилизационный процесс XX — начала XXI века убедительно показал глубинные и внешние, непосредственные и опосредованные, линейные и нелинейные связи «всего-со-всем». Поэтому сегодня на смену какой-либо одной методологии приходит тенденция комплексного, интегрированно-анализа фактов и явлений, причем иногда с помощью инструментария далеко не родственных наук.

Методология и методы исследования. В современном литературоведении, как и в лингвистике, эффективно используется научный инструментарий психологии, медицины, математического анализа, статистики,

новейшей физики и биологии. Литература как системное явление нуждается не в одностороннем описании, а в комплексном анализе, причём как ядерной, так и периферийной зоны. Идеи концепты и постулаты синергетического направления представляются нам продуктивными в процессе выявления глубинных факторов динамического процесса эволюции жанрово-стилевой системы украинской литературы XX века.

Несмотря на то, что системный метод в гносеологии известен ещё с античных времен, теоретическое обоснование его было сформулировано гораздо позже, в работах И. Канта, Ф.-В.-Й. Шеллинга, Г.-В.-Ф. Гегеля. В лингвистике принцип системности стал базовым в работах Ф. де Соссюра, Ю. М. Тынянова, М. М. Бахтина, А. П. Скафтымова, Ю. М. Лотмана, членов Пражского лингвистического кружка.

Организация исследования. Представление человека о мире как о системе систем XX век изменил коренным образом. В связи с открытием деления атома и появлением теории относительности А. Эйнштейна в начале XX века и нынешними новейшими изысканиями в науке: теория полупроводниковых гетероструктур и создание оптоволоконных компонентов Ж. Алфёровым (Нобелевская премия по физике, 2000), разработка технологий манипулирования квантовыми систе-

мами С. Арошем и Д. Вэйландом; концепция ускоренного расширения Вселенной С. Перлмуттера, Б. Шмидта и А. Рисса (Нобелевская премия по физике, 2011)), другими ноу-хау и современными технологиями, — понятия системы и системности приобрели новые семантические оттенки. Всё прозрачнее становится грань, отделяющая точные науки от естественных и гуманитарных. Поэтому продуктивным и перспективным нам представляется междисциплинарный подход, ярким примером которого является синергетический.

Синергетика — это интердисциплинарное теоретико-интеллектуальное направление, динамично развивающееся не только в формате естественных и точных наук, но и экстраполирующее концептуальный постулат о связи «всего-со-всем» в сферу гуманитаристики. Синергетика изучает внутренние процессы самоорганизации, происходящие в нелинейных системах различной природы [1].

Термин «синергетика» был использован дизайнером, архитектором и изобретателем Ричардом Бакминстером Фуллером, а также физиологом и нейробиологом Чарльзом Шеррингтоном и математиком Станиславом Мартином Уламом. Основоположником синергетики считается немецкий физик-теоретик Герман Хакен.

В мировой науке наиболее известны две школы синергетики: школа нелинейной оптики, квантовой механики и статистической физики Г. Хакена (университет в Штутгарте) и Брюссельская физико-химическая и математико-физическая школа И. Пригожина. В России идею универсальной эволюции и коэволюции человека и природы поддерживал М. М. Моисеев, теорию катастроф разрабатывали математики В. И. Арнольд (Россия) и Р. Том (Франция). Огромный вклад в разработку синергетических моделей совершили выдающиеся учёные С. П. Курдюмов, А. А. Самарский, С. П. Капица, Г. Г. Малинецкий и др. Трансполировал синергетические модели в сферу культурологии А. Свидзинский. Существуют научные изыскания с использованием синергетического метода в

политологии, истории [2] и психологии. Однако в литературоведении это направление разработано мало. Первым положительным опытом литературоведческой рефлексии по применению синергетического подхода являются труды Ю. М. Лотмана [3]. Подобные изыскания имеют научную перспективность, о чём свидетельствует монография Н. В. Ламеко [4]. В украинистике лишь в 2012 году появилась статья Л. Б. Тарнашинской, посвящённая украинскому «шестидесятичеству» и рассматривающая художественный процесс сквозь призму синергетики [5].

В связи с этим актуальность означенной проблемы нам представляется достаточно важной, ведь культура и искусство в качестве её составной части являются особым родом диссипативной структурой. Нобелевский лауреат И. Пригожин считал диссипативными структурами такие системы, которые при определённых условиях, используя как внешнюю, так и внутреннюю энергию, могут совершить качественный скачок, причём предугадать, каким образом и с каким результатом он будет осуществлён, невозможно. По нашему мнению, литературный процесс является особым типом нелинейной гетерогенной системой, познать закономерности и случайности которой — задача будущего.

Украинский литературный процесс XX века, подобно русской и белорусской литературам, вобрал в себя все противоречия, конфликты, отразил взлёты и падения, присущие историко-культурной эпохе. Осознавая сложность и масштабность научного изучения ядерной и периферийной зон, ограничимся в рамках данной статьи украинской литературой так называемого «расстрелянного возрождения» — краткого периода 1920 — начала 1930-х годов, завершившегося террором и репрессиями, направленными на подавление тоталитарным режимом ростков национальной культуры. Целью статьи является применение синергетического дискурса в изучении специфики и внутренних механизмов отдельного отрезка украинского литературного процесса XX века.

Исторические и культурные процессы, как и диссипативные структуры вообще, имеют определённый набор признаков и свойств: 1) открытость системы, 2) неравновесность системы, 3) самоорганизация структур путём флуктуации (случайного отклонения) [6]. Не случайно в качестве объекта изучения нами избран период 1920-х годов: он очень сложен с точки зрения разновекторности идеологических устремлений и художественных стратегий. Ревизии поддавались веками сложившиеся традиции, была предпринята беспрецедентная попытка изменения общественного строя и формирования нового типа государства. Всё было новым, жизнь менялась настолько стремительно, что спрогнозировать события завтрашнего дня не представлялось возможным. До тех пор, пока власть не применила в полной мере механизмы политического воздействия и регуляции литературно-художественных процессов, они происходили по принципу самоорганизации.

В динамично стабильных и адаптивных системах флуктуации затухают вследствие отрицательных обратных связей, «обеспечивающих сохранение структуры и близкого к равновесию состояния системы. Но в более сложных открытых системах, благодаря притоку энергии извне и усилению неравновесности, отклонения со временем возрастают, накапливаются, вызывают эффект коллективного поведения элементов и подсистем и, в конце концов, приводят к «расшатыванию» прежнего порядка и через относительно кратковременное хаотическое состояние системы приводят либо к разрушению прежней структуры, либо к возникновению нового порядка. Поскольку флуктуации носят случайный характер, то состояние системы после бифуркации обусловлено действием суммы случайных факторов» [7].

В критических точках запускаются бифуркационные механизмы, т. е. нарушение устойчивости эволюционного процесса в системе, что приводит к возникновению после точки бифуркации «квантового спектра

альтернативных виртуальных сценариев эволюции» [8, с. 18]. Точка бифуркации — это «момент времени или точка места, в которой происходит непрогнозируемый переход системы в один из возможных, типологически неэквивалентных исходному, состояний» [9]. Бифуркация релевантна «конфликтному взрыву» (О. Музыка), катастрофичному прыжку, слиянию и одномоментному разрыву случайного и закономерного [10, с. 87].

«Моменты творческой бифуркации чаще всего бывают связаны с социокультурными взрывами, когда рушатся прежние фундаментальные представления о мире, обществе, человеке, радикально меняется система или иерархия ценностей, сложившаяся в минувшем историческом цикле, — справедливо отмечал Н. Л. Лейдерман. — Как правило, это происходит в годы революционных потрясений, а также в годы войн особого типа — гражданских или отечественных. Первые есть прямое событийное воплощение такого всеохватывающего социального взрыва, который взламывает все духовные устои, а вторые есть моменты такого трагического и героического напряжения всех духовных сил общества перед угрозой уничтожения государства, попрания национальной культуры, унижения национального достоинства и даже утраты национальной идентичности, которое ревизует всю систему духовных координат, обновляя и перестраивая её» [11, с. 29].

В точке бифуркации невозможно предугадать, по какому сценарию будут разворачиваться события: перейдёт система в хаотическое состояние или выйдет на качественно новый уровень. Такой непредсказуемой точкой бифуркации стали события 1917 года: Февральская революция, давшая надежду на демократические преобразования в обществе, и Октябрьский переворот. И в России, и в Украине, и в Беларуси сходным было отношение интеллигенции к происходящему: положительное к Февралю и преимущественно отрицательное к Октябрю (письма М. Горького к А. Луначарскому, «Окаянные дни» И. Бунина и т. д.). Глубо-

кий анализ событий 1917 года в Беларуси проведён В.А. Латышевой [12].

Наращение энтропии в обществе началось во второй половине XIX века. Эпоха *fin de siècle* отразила эти «системные колебания». В Украине же деструктивные факторы в социальной сфере достигли своеобразного экстремума к началу 1917 года. Разновекторность и различная интенсивность кризисных явлений в политике, экономике, государственном управлении, религиозных и светских институтах и, конечно же, в искусстве наблюдалась уже в конце XIX века: несколько неурожайных лет, стремительный рост населения (появление «лишних ртов» в крестьянских семьях), вынужденная эмиграция украинцев на Дальний Восток, в Канаду и даже далёкую Бразилию. Эти социальные проблемы нашли яркое художественное воплощение в произведениях В. Стефаника («Синя книжечка», «Новина», «Камінний хрест», «Катруся» и др.), В. Винниченко («Біля машини», «Суд», «Роботи!», «Голода», «Голод» и др.), ряде рассказов Марко Черемшины, Т. Бордуляка, М. Коцюбинского и др. Крестьяне бунтовали, о чём повествует, например, В. Винниченко в рассказе «Салдатики!». Об активном участии украинцев в революции 1905 года свидетельствует ряд произведений — «Сміх», «Persona grata», «Невідомий», «Коні не винні» М. Коцюбинского, «Сорочинская трагедия» В. Короленко, жившего с 1900 года в Полтаве.

Как верно отмечал Ю. М. Лотман, в историческом процессе наблюдаются «узлы со сниженной предсказуемостью», которые «становятся моментами революций или резких исторических сдвигов» [3, с. 348]. Ко всем социальным проблемам, общим для народов, населявших Российскую империю, в Украине добавлялась весьма важная и болезненная — вопрос о национальной самоидентификации, устранении комплекса «малороссийства», стремление к обретению национальной независимости и государственности. Попытка построения такого государства была предпринята в 1917 году путём провозглашения Укра-

инской народной республики сначала как автономной республики в составе Российской Федерации, а с 22 января 1918 года как независимого государства. Распад Австро-Венгерской империи привёл и к возникновению Западноукраинской народной республики (1918-1919), впоследствии также потерпевшей поражение со стороны Польши, Румынии и Чехословакии. Политические события 1917 года, расстановка политических сил, ярость борьбы подтверждают тот факт, что кризисные явления имели слишком глубокие корни. А стремительная смена власти (Центральная рада, гетманат П. Скоропадского, Директория), а затем яростное противостояние политических сил в период гражданской войны раскрывают драматизм эпохи и убеждают нас в том, что это и была точка бифуркации.

Период между Февралём и Октябрём 1917 года демонстрирует «веер возможностей», причём как в русской, так и в украинской литературе. Накал страстей ярко демонстрирует спектр политических симпатий и идеологических убеждений украинской интеллигенции: в армии Украинской народной республики служили Е. Маланюк и Остап Вишня, не скрывали симпатий к Украинской народной республике П. Тычина и Ю. Смолич, в петлюровском войске сражались П. Панч и А. Головка, находились в повстанческих отрядах В. Сосюра, Б. Антоненко-Давидович и др. Эсеры, боротьбисты (В. Эллан-Блакитный, С. Пилипенко и др.), несмотря на лояльность к большевистской власти, были репрессированы в 1930-х годах. В романе Ю. Яновского «Всадники» (1935) на примере семьи Половцев раскрывается драма политических разногласий в обществе: погибают три брата, приверженцы Деникина, Махно и Петлюры, победа достаётся большевику Ивану, однако в живых остаётся петлюровец Сашко — 14-летний подросток, на глазах которого разыгралась трагедия уничтожения рода. А значит, борьба не окончена.

Внутри диссипативных систем, как правило, прослеживаются три фазы развития:

первая — фаза устойчивости, когда изменения носят локальный характер и не приводят к глубинным трансформациям (в литературной проекции это, несомненно, конец XIX — начало XX века, период зарождения различных течений внутри модернистской эстетики); вторая — бифуркационная, приводящая к самоорганизации расшатанной системы (когерентная периоду 1917—1927 годов). Это наиболее интересный этап, поскольку в украинской литературе наблюдается потрясающее разнообразие эстетических программ, пестрота и насыщенность периоды, появляется ряд интереснейших писателей — М. Хвильевой, В. Пидмогильный, Ю. Яновский, Г. Косынка, П. Тычина, «неоклассики» (Н. Зеров, М. Драй-Хмара, П. Филипович, Ю. Клён, М. Рыльский), М. Кулиш, М. Йогансен, С. Пилипенко, О. Досвитний, Ю. Шпол, Б. Антоненко-Давидович и др. Возникает ряд писательских организаций, объединяющих молодые дарования и становящихся школой профессионального мастерства, — «Гарт», «Плуг», ВАПЛИТЕ («Вольная академия пролетарской литературы»), «Ланка», превратившаяся в МАРС («Мастерскую революционного слова»), «Пролит-фронт» и др. Наконец, третья фаза — постбифуркационная. Она отличается тенденцией к новому аттрактивному состоянию (англ. attract — привлекать), т. е. система приходит в стадию равновесия, выбрав один из вариантов своего развития.

Украинский литературный процесс послереволюционного десятилетия ярко воплотил все эти стадии. Первая отражает взаимодействие реалистической традиции (В. Винниченко, С. Васильченко, А. Тесленко и др.) с зарождающимися тенденциями раннего модернизма в дореволюционный период: импрессионистской (М. Коцюбинский, С. Черкасенко), экспрессионистской (В. Стефаник), неоромантической (О. Кобылянская, Леся Украинка), символистской (М. Вороний, А. Олесь).

Вторая, бифуркационная, стадия развития литературного процесса демонстрирует мно-

жественность тем и способов их художественной реализации. Меняется концепция человека: на смену «обездоленному крестьянину» приходит мыслящий интеллигент (В. Пидмогильный, роман «Місто» («Город»), сборники «Рассказы. Том I», «Військовий літун» («Военный лётчик»), «Проблема хліба»). Напряжённая борьба, кровопролитие и трагедия человека, находящегося на крутом переломе истории, отражены в многочисленных образцах малой прозы (Г. Косынка «На золотых богов», М. Хвильевой «Кот в сапогах», А. Головки «Червона хустина» («Красная косынка») и др.) и в романистике (Ю. Яновский «Чотири шаблі» («Четыре сабли») и «Вершники» («Всадники»), Г. Михайличенко «Блакитний роман» («Голубой роман») и др.). Всё настойчивее в литературе поднимается вопрос о внутренних изменениях в человеке, которые должны были произойти со сменой общественно-экономической формации. Однако не произошли! И «герои революции», как, например, М. Хвильевой и М. Кулиш, а также и отличные от них по психологическому складу писатели — нежно-лирический П. Тычина, реалист-аналитик В. Пидмогильный, романтик Ю. Яновский — всё чаще стали задумываться: почему же не осуществились мечты?

Голод 1921 года, низкое качество жизни, тяжёлые условия труда, появление новейшей партийной элиты — всё это болезненно осмысливалось в повестях «Иван Иванович», «Повести о санаторийной зоне», незаконченном романе «Вальдшнепы» М. Хвильевого, в романе «Недуг» Е. Плужника, пьесах «97» и «Народный Малахий» М. Кулиша. Из воспоминаний современников, которым удалось эмигрировать и тем самым спастись от сталинских репрессий, известно, как болезненно воспринимал М. Хвильевой информацию о масштабе голода в Украине 1932-1933 годов, как ездил по хлебным краям и плакал от бессилия, узнавая о случаях каннибализма на Полтавщине, Катеринославщине (ныне Днепропетровская обл.) и в других регионах. Отчаянные попытки достучаться до высших эшелонов власти, вера в то, что происходя-

щее — чудовищная ошибка, а потом страшное осознание, что на самом деле это тщательно продуманные шаги, — всё это 13 мая 1933 года подтолкнуло талантливейшего писателя к самоубийству, ставшему актом политического протеста против набирающего обороты маховика репрессий.

Стилевая палитра украинской литературы 1920-х годов поражает своим разнообразием: неоромантические традиции развивали Ю. Яновский, А. Головка, А. Довженко, М. Хвильевой, элементы экспрессионизма проявлялись в творческой манере того же М. Хвильевого, И. Днепровского, И. Сенченко, необарокко просматривается в прозе А. Любченко и М. Йогансена, символистские тенденции отмечаются в рассказах и повестях М. Ивченко, импрессионистские черты наблюдаем в произведениях М. Ивченко, Г. Косынки. Кроме реалистически-аналитической прозы (В. Пидмогильный, П. Панч, А. Копыленко и др.) развивается экспериментальная (В. Домонтович, А. Любченко, М. Йогансен), которая сближает украинскую литературу с общеевропейскими модернистскими тенденциями.

Любовь к острому слову, чувство юмора как черты национального характера обусловили появление талантливых фельетонов, юморесок, шуточных рассказов, авторами которых были О. Вишня, В. Чечвянский, К. Котко, Ю. Гедзь, Ю. Вухналь, А. Ковинька и многие другие. Высмеивая негативные тенденции общественной жизни, они убедительно показывали, что человек после революции не изменился в нравственном смысле (как тут не вспомнить булгаковского Воланда, говорившего, что человечество мало изменилось за последние две тысячи лет, оно всё так же любит деньги).

Вопросы национального развития, исторических судеб родины, проблемы национального языка остро звучали в памфлетах М. Хвильевого «Камо грядеши», «Мысли против течения», «Апологеты писаризма» [13].

Вся эта яркая и пёстрая палитра культурной жизни была трансформирована после свёртывания украинизации в 1927 году. Официально она прекратила существование в

1930-е годы, однако её непоследовательность была отображена в комедии-фарсе М. Кулиша «Мина Мазайло».

Деятели «красного ренессанса», как называли начало 1920-х годов в прессе, были почти полностью уничтожены. Известный литературовед Ю. Лавриненко, заслуга которого состоит в многолетнем собирании малейших сведений об украинских писателях и издании антологии «Расстрелянное Возрождение» (1959), приводит такие цифры: из 259 украинских писателей после 1938 года печаталось только 36 [14, с. 6]. Можем утверждать, что их было намного больше — библиографический словарь «Десять лет украинской литературы», составленный А. Лейтесом и М. Яшеком, изданный под редакцией С. Пилипенко (лидера писательской организации «Плуг») в 1928 г., насчитывает свыше 1 400 имён [15]. Конечно, не все они равнозначны в творческом отношении (в справочнике упоминаются даже единожды попробовавшие свои силы на литературном поприще), однако, с точки зрения синергетики, все одинаково важны, поскольку составляют единую художественную систему (тематическую, жанрово-стилевую, поэтическую).

Первым ударом по творческой интеллигенции был суд над участниками вымышленной организации СВУ («Спілки визволення України») в марте 1930 года. По этому делу были приговорены к различным срокам заключения 45 человек, среди которых академик С. Ефремов, дочь выдающегося драматурга М. Старицкого Людмила Старицкая-Черняховская (подруга Леси Украинки) и многие другие.

Впоследствии репрессии стали приобретать системный характер: в 1931 году был арестован и почти год провёл в тюрьме поэт М. Рыльский, в 1933-м началась «грустная десятилетка» для Остапа Вишни (его брат В. Чечвянский был расстрелян в 1937-м), в 1934 году приговорены к высшей мере один из талантливейших прозаиков XX века Г. Косынка, поэт и драматург, автор брошюры

«Европа или Россия — о путях развития современной литературы», К. Буревий, 26-летний поэт, которого критики называли «украинским Пушкиным», О. Влызько и др. В карельском урочище Сандармох в октябре — начале ноября 1937 года было расстреляно 1 111 узников «соловецкого этапа», среди которых были академики и университетские профессора, деятели науки и культуры. Так завершилась грандиозная социальная точка бифуркации, и система пришла в равновесие: на протяжении 1930-х годов тоталитарная власть установила полный контроль над идеологической и культурной сферами. Членами Союза писателей становились лояльные к власти люди, манипулирование ими осуществлялось методом кнута и пряника: у одних деятелей искусства родственники пребывали в системе ГУЛАГа, а других приручали Сталинскими премиями, элитными квартирами и другими благами.

Но следует отметить, что в постбифуркационный период (конец 1940-х — 1950-е годы) снова нарастают флуктуации («случайные отклонения») от тоталитарного канона — скажем, творчество А. Довженко или М. Стельмаха. Поколение же писателей, чье детство было опалено войной, составило основу движения «шестидесятников» (Лина Костенко, Григор Тютюнник, Виктор Близнак, Василь Симоненко и др.). Силой своего таланта и внутренней свободой они подготовили новую точку бифуркации, которая в 1991 году привела к распаду СССР и возникновению нового формата литературного процесса.

Заключение. Очерчивание основных параметров украинского литературного процесса XX века на наиболее органичном отрезке 1920-х годов позволяет нам характеризовать процесс самоорганизации художественной системы на разных этапах и в точке бифуркации.

Разумеется, хотелось бы более подробно рассмотреть не только ядерную (доста-

точно исследованную в последние два десятилетия), но и периферийную зоны. Анализ произведений, опубликованных на страницах периодических изданий тех лет («Червоний шлях», «ВАПЛИТЕ», «Всесвіт», «Життя і революція», «Нова генерація», «Плуг», «Плужанин» и др.), свидетельствует о тематическом, жанровом и стилевом многообразии, оригинальности поэтической техники, свободе мысли. Практически забыты сейчас такие писатели, как К. Анищенко, Б. Тенета, Г. Коцюба, О. Досвітний и многие другие талантливые деятели, которые составили бы славу любой европейской национальной литературы. Синергетический подход позволит исследователю включить в поле своего зрения даже мелкие детали, проходные произведения, но всё это составляет целостность литературного процесса как системы. Ведь, как говорил Лоренц Эдвард Нортон, «взмах крыла бабочки в Айове может вызвать ураган в Чикаго».

Список цитируемых источников

1. Пригожин, И. Порядок из хаоса : Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс; пер. с англ. Ю. А. Данилова ; общ. ред. В. И. Аршинова [и др.]. — М. : Прогресс, 1986. — 432 с.
2. Сорокин, П. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / П. Сорокин. — М. : Academia, 2005. — С. 410—482.
3. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — СПб. : Искусство-СПБ, 2004. — 704 с.
4. Ламеко, Н. В. Хаосмос Джеймса Джойса как мультистабильная система : синергетическая природа художественного феномена / Н. В. Ламеко. — Минск : РИВШ, 2006. — 148 с.
5. Тарнашинська, Л. Б. Українське шістдесятництво в «духовній ситуації» своєї доби : синергетичний вимір / Л. Б. Тарнашинська // Слово і час. — 2012. — № 3. — С. 19—37.
6. Князева, Е. Н. Синергетическая парадигма. Основные понятия в контексте истории культуры [Электронный ресурс] / Е. Н. Князева, С. Курдюмов. — Режим доступа : <http://lib.icr.su/node/1247>. — Дата доступа : 10.02.2013. — Загл. с экрана.
7. Синергетика [Электронный ресурс] // Википедия. — Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Синергетика>. — Дата доступа : 22.01.2013.

8. Лебедев, С. А. Философия науки : словарь основных терминов / С. А. Лебедев. — М. : Акад. проект, 2004. — 320 с. — Сер. «Gaudeamus».

9. Точка бифуркации [Электронный ресурс] // Википедия. — Режим доступа : http://ru.wikipedia.org/wiki/Точка_бифуркации. — Дата доступа: 5.02.2013.

10. Музыка, О. А. Бифуркации в природе и обществе : естественнонаучный и социосинергетический аспект / О. А. Музыка // Современные наукоёмкие технологии. — 2011. — № 1. — С. 87—91.

11. Русская литература XX века : 1917—1920-е годы : в 2 кн. : учеб. пособие для студентов учреждений высш. проф. образования / Н. Л. Лейдерман [и др.] ; под. ред. Н. Л. Лейдермана. — М. : Академия, 2012. — Кн. 1. — 464 с.

12. Латышева, В. А. События 1917 г. как бифуркация в истории / В. А. Латышева // Пр. гіст. фак. БГУ : навук. зб. — Вып. 4 / рздкал. : У. К. Коршук (адк. рзд.) [і інш.]. — Мн : БДУ, 2009. — С. 277—282.

13. Хвильовий, М. Новели, оповідання, «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Поетичні твори. Памфлети / вступна стаття, упорядкування і примітки В. П. Агєєвої / М. Хвильовий. — Київ : Наук. думка, 1995. — С. 652—755.

14. Лавріненко, Ю. Література вітаїзму 1917 — 1933 / Ю. Лавріненко // Розстріляне Відродження : Антологія 1917 — 1933 : Поезія — проза — драма — есей / [упорядник, передмова, післямова Ю. Лавріненка; Післямова Є. Сверстюка]. — Київ : Смолоскип, 2002. — 984 с.

15. Лейтес, А. Десять років української літератури (1917 — 1927) / А. Лейтес, М. Яшек / за заг. ред. С. Пилипенка : 3 т. — Харків : Держвидав України, 1928. — Т. 1. — 672 с.

Матеріал посту́пил в редакцію 28.02.2013 г.

Synergetics as the synthetic scientific direction of the 21-st century has influenced the development of a number of exact and natural sciences. In the world of science the intention to use the philosophical flexibility and freedom of scientific thought in the field of humanities (psychology, sociology, political science) has successfully been implemented. This paper deals with the attempt to identify the productive potential synergetics methodology on the material of Ukrainian literature in the post-revolutionary period.